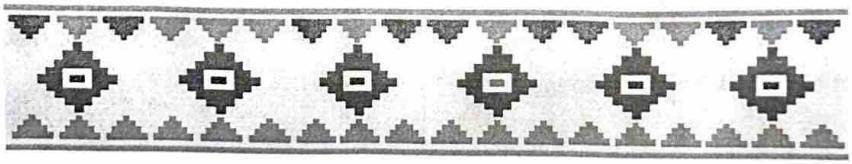
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА

Выпуск 24



Курск 2016

УДК
ББК 82+81. 2Р-3
Л59

Ответственный редактор – И.С. Климас,
доктор филологических наук, профессор

Редколлегия – А.Т. Хроленко,
доктор филологических наук, профессор
С.П. Праведников,
доктор филологических наук, доцент

Л59 Лингвофольклористика. Выпуск 24. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2016. 86 с.

В выпуске сборника «Лингвофольклористика» анализируются различные проблемы языка фольклора.

Издание предназначено для специалистов и всех интересующихся устной народной поэзией.

In the issue of collected articles "Linguafolkloristic" various problems of folklore language are analyzed.

This issue is for those, who specializes and is interested in folklore poetry.

ISSN 2079-3529

УДК
ББК 82+81. 2Р-3

Учредитель – Курский государственный университет
Адрес: Россия, 305000, гор. Курск, ул. Радищева, 33
Start: декабрь 1999
Language: русский

© Коллектив авторов, 2016
© Курский государственный университет, 2016

А.М. Дундукова
(Карелия, г. Петрозаводск)

ЗООНИМЫ И ФИТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ БЫЛИННОМ ЭПОСЕ[1]

Вопрос о содержании понятия «языковая картина мира» в целом и об особенностях русской языковой картины мира в частности является одним из самых исследуемых, интересных и обсуждаемых в современной лингвистике. В научной литературе существует множество различных определений этого понятия (см., например: [Габбасова, Фаткуллина 2013]); мы будем использовать в качестве исходного следующее: «Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999: 15]. Единицами языковой картины мира часто называют отдельные ключевые слова, представляющие концепты. Учитывая то, что определение содержания понятия «концепт» у разных исследований заметно отличается, оговорим, что будем в дальнейшем под концептом понимать совокупность всех значений и представлений, ассоциаций и образов, возникающих при произнесении и осмыслении слова в сознании носителя языка [Лихачёв 1997]. Языковой способ концептуализации действительности, отличающийся от так называемой научной картины мира, является универсальным для разных этносов, но при этом у каждого народа имеет свои отличительные черты, ведь то, насколько познаваем человеком окружающий мир, зависит от многих факторов – от уровня развития мышления и языка до уровня социального устройства, степени сформированности межнациональных коммуникаций, общекультурного контекста и проч. Оформившаяся языковая картина мира, в свою очередь, во многом определяет пути развития и языка, и самого этноса.

«Одной из ипостасей, одним из воплощений картины мира традиционной народной культуры» [Артёменко 2003: 11], её основополагающим элементом является фольклорная картина мира – «особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00180.

традиционного народного творчества» [Петренко 1996: 15]. Однако фольклорная картина мира отличается от языковой как по составу компонентов, так и по строению: так как в ней фиксируются наивные, мифологические представления, то «набор наиболее существенных из них, подвергшихся концептуализации, не совпадает с представленным в современной языковой картине мира в целом. Те из фольклорных концептов, которые на понятийном уровне совпадают с общекультурными, отличаются от них на уровнях аксиологическом и образном» [Пименова 2012: 95].

В настоящей работе анализируется один из фрагментов фольклорно-языковой картины мира, а именно особенности фауны и флоры в русских народных эпических песнях. Источником фактического материала для исследования послужил корпус текстов, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года [Гильф. 1949]. Этот сборник по праву считается сегодня наиболее полным изданием фольклорных эпических песен, а значит, именно вошедшие в него тексты могут предоставить нам наиболее точные и подробные данные об особенностях словесно-художественной традиции этого жанра. Предметом анализа стали субстантивы, служащие для номинации животных и растений. Для исследования были выбраны именно существительные – наименования из области фауны и флоры, так как субстантивы в фольклорном тексте «играют важную роль, возможно, центральную, <…> называют ключевые ориентиры фольклорной картины мира и составляют фонд так называемой фольклорной лексики» [Хроленко 1992: 20], а природный мир, в том числе животные и растения, – это «постоянно действующий фактор», то «первое, очевидное, что определяет лицо народа» [Гачев 1998: 27].

Методом сплошной выборки из текстов «Онежских былин», принадлежащих к разным жанрам: былинам, былинам-балладам, былинам-скоморошинам и историческим песням, – были извлечены существительные, служащие для номинации животных (246 единиц, 4 231 словоупотребление) и растений (70 единиц, 469 словоупотреблений). Оказалось, во-первых, что зоонимы и фитонимы отсутствуют только в 6 сюжетах (в основном это исторические песни, а также былина-баллада «Невольное пострижение»), что говорит о важной роли, которую играют представления, связанные с миром фауны и флоры, в русских эпических песнях. Во-вторых, выяснилось, что 316 извлечённых из текстов «Онежских былин» субстантивов нужной тематики (для сравнения: в Русском семантическом словаре [Р. Сем.: I] количество зоонимов и фитонимов в сумме составляет примерно 4 500 лексем) служат для обозначения всего 79 видов животных, 22 из которых называют млекопитающих, 44 – птиц, 7 – гадов (в последнюю парадигму, согласно народной, наивной классификации [Гура 1997], вошли пресмыкающиеся, земноводные, насекомые и беспозвоночные), 6 – рыб и 34 вида

растений. Лексемы, которые обозначают общие родовые понятия, такие как *скот*, *зверь*, *птица*, *рыба*, *дерево*, *куст*, *трава* и проч., здесь не учитываются.

Целый ряд из числа этих зоонимов и фитонимов не употребляется в собственно былинных текстах, а характерен для жанра скоморошины (сюжеты «Птицы» / «Птицы и звери», «Петух и лиса», «Небылица», «Старина о большом быке» – образы животных здесь часто символичны: сюжет «Птицы» / «Птицы и звери», например, характеризует социальный строй и положение разных слоев общества в Древней Руси, и в этом зооморфные образы схожи с образами животных в сатирических сказках). Гораздо реже исследуемые субстантивы встречаются в балладах («Два любовника») или исторических песнях («События 1830-х годов», «Петербургская старинка»). К таким существительным относятся слова, служащие для номинации млекопитающих (белки, кошки, медведя и свиньи – в последнем случае имеется в виду существительное *клепина*, единственное найденное нами толкование которого в словарной статье [СРНГ: 13: 281] предположительно приравнивает значения лексем *клепина* и *свинья*), птиц (кулика, тетерева, дятла, кукушки, синицы, сойки, совы, филина, чайки, ястреба, павлина, журавля, гагары и некоторых других птиц – всего 23 вида), насекомых (таракан) и растений (конопля, верба, репа, картофель, перец и другие – всего 7 видов).

Животный и растительный мир собственно былинных текстов, которые составляют основу сборника А.Ф. Гильфердинга, таким образом, представляет очень небольшое количество лексем, называющих еще меньшее число денотатов: 18 видов млекопитающих, 21 вид птиц, 6 видов гадов, 6 – рыб и 27 – растений. Подобная денотативная избирательность в использовании зоонимов и фитонимов не является, конечно же, признаком ограниченности языкового потенциала русских эпических песен, а напротив, ещё раз демонстрирует то, что фольклорное слово по природе своей лаконично (при небольшом в целом количестве исходных элементов может создавать многое, причём чрезвычайно богатое внутренне), насыщено семантикой и, как следствие, отличается известной неопределённостью значения, повышающей информативность, так как слово в языке фольклора – результат обобщения свойств устной речи [Хроленко 2010].

Природный мир в текстах «Онежских былин» представлен в основном субстантивами, обозначающими животных и растения, которые характерны для средней полосы. Исключения весьма немногочисленны, к ним относятся зоонимы *лев* (9 словоупотреблений), *науй*, то есть ‘птица страус’ [СРНГ: 20: 427] (1), *пава* (1) и фитонимы, служащие для номинации такого часто встречающегося в разных фольклорных жанрах дерева, как кипарис (*кипарисно / кипарично / кипарисное деревце / деревцо* – 7).

Состав и количество использующихся в собственно былинных текстах зоонимов и фитонимов, как оказалось, зависит не от принадлежности той или иной эпической песни к определённому циклу – киевскому, галицко-волынскому или новгородскому (хотя последний, сформировавшийся позднее остальных, всё же скромнее двух других с точки зрения состава и объема включённых в него названий животных и растений), – а от сюжета.

Нагляднее всего роль зоонимов и фитонимов в организации мира русской эпической песни можно проследить на примере героических былин и былин сказочного характера. Художественное пространство в этих текстах довольно чётко делится на две противопоставленные части: мир свой, практически идеальный, и мир чужой, «этнически и хтонически враждебный» [Черноусова 2013: 350].

На границе этих миров часто произрастает дуб: это дерево являлось наиболее почитаемым у многих индоевропейских народов, в том числе у славян, которые предание о мировом дереве – образе, отражающем пространственную, космическую модель мира, – по преимуществу относят к дубу. Стоит отметить, что лексема *дуб*, встречаясь в сборнике А.Ф. Гильфердинга в собственно былинных текстах часто (165 словоупотреблений), полностью отсутствует в более поздних по времени возникновения фольклорных жанрах – балладах, скоморошинах и исторических песнях. Дуб в текстах «Онежских былин» – один из ключевых топосов, действие эпических песен часто проходит на его фоне: на дубе (дубах) свил гнездо Соловей Разбойник; сидит черный ворон, дающий мудрые советы; рядом с дубом располагается богатырская застава; под ним съезжаются для схватки герои; к нему привязывают противника; под него бросают тело врага (дерево отражает и переход в другое состояние, в другой мир, в данном случае – в мир смерти); на дуб нужно залезть, чтобы внимательно осмотреть окрестности или дать сигнал товарищам, и т.д.

Для обозначения фольклорного топоса, наряду с лексемой *дуб*, в «Онежских былинах» используются и другие названия растений, чаще всего березы (21) и куста ракиты (49), причем эти лексемы тоже, за редким исключением, встречаются в текстах собственно былин. При описании места, где располагается гнездо Соловья Разбойника, слова *дуб* и *береза* нередко употребляются рядом, уточняя, дополняя друг друга, «находятся в отношениях тематической близости» [Соколова 2010: 71], ведь речь идет о дереве вообще: в языке фольклора «на семантике каждого отдельного слова лежит отблеск всей парадигмы, обобщённое значение всех компонентов парадигмы явственно присутствует в семантической структуре каждого отдельного компонента» [Хроленко 2010: 35]: *Да у той ли у* ***березы*** *у покляпыя* <…> *сиди Соловей Разбойник во сыром* ***дубу*** (Илья Муромец и Соловей Разбойник, 2, 11, 36, 39) или *А сидит Соловей-то он*

*на семи **дубах**, это в восьмыи **березищи** покляпыи* (Илья Муромец и Соловей Разбойник, 1, 518, 103–104). Но если на дубе в эпических былинных текстах чаще всего располагается ворон, то на березе в скоморошинах может сидеть и петух: *Как сидел петушейла духовное дитя во **березоньке*** (Петух и лисица, 1, 308, 1): это слово вполне может быть употреблено в стилистически сниженном контексте, поскольку береза – женское дерево – находится несколько ниже в иерархии растений, чем мужское дерево дуб.

Сочетание *ракитов куст* чаще всего используется для обозначения особого топоса, места соприкосновения разных миров, перехода героя былины из одного состояния в другое. Но это не только связь с миром мертвых (павший богатырь лежит, уткнувшись в куст головой или ногами; ракитов куст вырастает на могиле героя), но и путь, ведущий к изменению положения в мире живых, например к браку: *Приводил он ю* [Добрыня Маринку] *ко **кустышку ракитову**, вокруг **кустышка ракитова** они да повенчалися* (Добрыня и Маринка, 2, 52, 74–75). Неслучайно и то, что в одном из вариантов известного сюжета именно стрелой, изготовленной из ракиты, удается Илье Муромцу сразить Соловья Разбойника: *А стрелил ведь он* [Илья] *ту стрелочку **ракитову**, а й пала стрелочка разбойнику да во правой глаз, а вылетала-то она во лево ухо* (Илья Муромец и Соловей разбойник, 1, 519, 156–158).

На дубе в русских эпических песнях часто сидит посредник между своим и чужим мирами – ворон (существительное *ворон*, как и субстантив *дуб*, и другие ключевые для языка былины лексемы, о которых речь идёт ниже, принадлежит к числу наиболее употребительных в своей тематической группе – 165 словоупотреблений), который говорит по-человечески, дает герою совет, куда ехать, чем заняться. Интересно, что обычно богатырь в былине, увидев ворона, хочет его убить, но потом, поняв, что перед ним говорящая птица, выслушивает его совет. Здесь, вероятно, нашли отражение народные представления о вороне как о предвестнике зла, смерти, с одной стороны, и как о мудрой, вызывающей уважение, почитаемой, возможно, тотемной птице, убивать которую нельзя, – с другой. Обратим внимание на тот факт, что в качестве дичи ворон в «Онежских былинах» ни разу не рассматривается, – более того, сама птица напоминает герою: *«Как **ворона-то** стрелить не корысть буде получить, сизым перьем вороньим не натешишься, мясом те моим не наестися»* (Добрыня и Алеша, 1, 436, 19).

С враждебным, чуждым человеку иным миром в былинных текстах связано, прежде всего, представление о змее – антагонисте главного героя: противнике в битве, похитителе людей, том, кто мешает богатырю или его коню свободно передвигаться и пр. (сюжеты «Добрыня и змей», «Дюк», «Илья Муромец и Калин царь»). Для обозначения этого денотата в текстах анализируемого сборника используются субстантивы *змея / змия* (252/7),

змеёныш / змиёныш (24/36), *змей* (5), *змеище / змеищо / змиищо* (6/7/1), *змиенышок / змиенышек / змеёнышок* (1/1/1), *змеичищо* (1) *змеиныщо / змеинищо* (6/4), *гаденыш* (1). Змей – один из самых архаичных «центральных и ключевых персонажей в системе народных представлений о животном мире» [Гура 1997: 277]. Образ этот амбивалентен: он связан как с огнем, так и с водой, как с небом, так и с землей, как со злом, так и с добром, как с мужским, так и с женским началом и т.д. Согласно гипотезе Н.К. Козловой, подобную многозначность можно объяснить, предположив, что на определенном этапе развития мифологических представлений существовал не один образ змея, а две его ипостаси – мужская и женская, брат и сестра, змей и змея, близнецы, за каждым из которых закреплялся свой набор функций [Козлова 2006]. Интересно, что в подавляющем большинстве (за исключением двух словоупотреблений в этой функции субстантива *змей*) для обозначения враждебного герою чудовища в текстах «Онежских былин» используется лексема женского рода *змея*, а существительные среднего рода, а также лексемы, обозначающие детенышей героя-антагониста, гораздо менее многочисленные, становятся ее контекстными синонимами: *Третия застава великая: лежит* ***змеище*** *да Горыныщо. О двенадцати* ***змия*** *о хоботах...* (Дюк Степанович, 2, 508, 45–47). Язык былины, таким образом, отражает древние мифологические представления о том, что именно женская ипостась змея является враждебной человеку.

К числу ключевых образов, участвующих в создании художественного мира былинных текстов, относится и амбивалентный образ лебедя (3 лексемы, называющие этот денотат, – *лебедь*, *лебёдушка*, *лебёдка* – также используются в анализируемых эпических песнях часто: в сумме 250 словоупотреблений). Тексты сборника А.Ф. Гильфердинга отражают как женскую, традиционную и известную большинству, так и связанную с чужим миром, миром смерти, почти забытую символику лебедя: для языка фольклора, где лебедь чаще всё-таки символ девушки-невесты, подобное положение вполне оправданно: фольклорный мир по природе своей амбивалентен, в нём свадьба и похороны – две стороны одной медали. Лебедь в славянской культуре – ярко выраженный феминный символ [Гура 1997: 677–680], знак женской красоты, любви, нежности, верности. В текстах «Онежских былин» этот образ используется для обозначения любой молодой представительницы женского пола вне зависимости от морально-нравственных качеств героини: это может быть и верная жена (возлюбленная), и изменщица: *А й да белая* ***лебёдка*** *со двора сошла* [Имеется в виду жена Добрыни Настасья Микулична] (Добрыня и Алёша, 3, 124, 208). В сюжете «Королевичи из Крякова» лебедь выполняет ту же функцию, что и ворон: птица помогает герою, который сначала хочет подстрелить её, даёт богатырю совет, куда ехать, чем заняться. Однако самым интересным, на наш взгляд, является употребление субстантива

лебедь в сочетании с определением *белая* как прозвища главной героини в вариантах былинного сюжета «Михайло Потык». Подобное употребление слова *лебедь* – самое частотное в «Онежских былинах». «Марья лебедь белая» – королевична-подолянка, умеющая превращаться в птицу лебедя, – явно отрицательный персонаж. Она не только изменяет мужу, но и пытается его извести: превращает в «бел-горюч камень» или приказывает закопать живым, прибивает к стене гвоздями и т.д. С точки зрения носителя современного сознания то, что отрицательная героиня постоянно именуется «белой лебедью» кажется странным: выше упоминалось, что символика этого образа в народных представлениях обычно светлая и положительная. Однако если проследить мифологические истоки этого образа, всё становится понятным: Марья – это переосмысленное имя Мары, в славянской мифологии злого духа, воплощения смерти, мора [МНМ: 2: 110; Рыбаков 1988: 398–411]. Лебедь же, помимо своей положительной символики, имеет и отрицательную (отражение этих представлений, можно увидеть, например, в «Слове о полку Игореве», где с девой-лебедью сравнивается обида, растущая в русских войсках): нередко тёмные силы маскируются образом белого лебедя, лебедь является одним из символов смерти [МНМ: 2: 40–41]; в средневековых бестиариях лебедь предстает как олицетворение лицемерной души и обманчивого нрава (облик птицы противоречит её сущности, поскольку её прекрасное белое оперение скрывает черное мясо) [Символы 2003: 261]. На тесную связь с именем Марьи / Мары, по всей видимости, также повлияло то, что весной эти птицы улетают на север, в страну холода и смерти [Рыбаков 1988: 402]. А *белый*, являющееся постоянным эпитетом описываемого слова, называет цвет, который у многих народов был траурным. Неслучайно, вероятно, и то, что «Марья лебедь белая» – *королевна* (это слово характеризует образ в 32 примерах), *подолянка* (3): в былине подчёркивается, что героиня – часть чужого мира (использование сочетаний *дочь царская* и *русская красавица*, которые также характеризуют в текстах «Онежских былин» Марью лебедь белую и встречаются в такой функции по одному разу, как и употребление прозвища *лебедь белая* по отношению к Настасье, дочери, а в других вариантах – сестре политовского короля (1), носят, вероятно, случайный характер).

Самым характерным для русских эпических песен представителем животного мира является, безусловно, конь. В текстах «Онежских былин» используется 26 субстантивов, служащих для номинации этого денотата: *лошадь* (20), *лошадушка* (6), *лошадка* (5), *лошадёнка* (1), *конь* (1 668), *конёк* (2), *коник* (1), *коничек* (1), *конишечко* (5), *конюшко* (7), *комонь* (6), *кобыла* (40), *кобылка* (21), *кобылица* (7), *кобылушка* (5), *кобылочка* (1), *жеребец* (33), *жеребчик* (29), *живобец* (2), *жеребёночек* (2), *жеребятушко* (1), *воронок* (1), *воронко/е* (2/1), *бурко/е* (27/1), *бурушко* (104), *кляча* (1).

Способность коней быстро двигаться, их красота и мощь в мифологических системах многих народов мира, и у славян в том числе, повлияли на то, что это животное (как и птица) стало олицетворением стихийных сил природы: солнца, месяца, звёзд, ветра, грозовых туч, движущихся по небу облаков, молнии и т.д. Отражение этих древних представлений можно обнаружить и в эпических фольклорных текстах. Например, для того чтобы богатырский волшебный конь приобрёл особенную выносливость, силу и быстроту, необходимо несколько дней пасти его утром на лугу: лошадь должна поваляться в росе – живительной влаге небесного происхождения. Кони в былинах с легкостью преодолевают препятствия в виде рек, озер и гор, способны выдыхать пламя и издавать такие звуки, от которых содрогается земля или которые слышны очень далеко (конский топот или ржание). У волшебных коней могут быть крылья. *У его ли у невежи* [т.е. у вражеского богатыря] *крылатой* ***конь*** (Добрыня и Алёша, 3, 555, 37); *Изо рта у добра* ***коня*** *пламя маше, из ноздрей у коня да искры сыплются, из ушей у коня да в кудрях дым стает* (Илья Муромец и сын его, 3, 204, 28–30); [Дюк] *Отпущал мала* ***бурушка-ковурушка****, стал его* ***бурушка*** *поскакивать с горы на гору, с холмы на холму, реки-озёра перескакивать, где широки раздолья между ног пущать* (Дюк Степанович, 2, 513, 225–229). *Маленький полоненный* ***воронке*** *голову заляцил, хвост заломил, хвост заломил, через Пучай реку скочил, в чисто поле ушёл* (Иван Гостиный сын, 2, 396, 109–112). Лошади в былинах часто бурого или черного (*бурушко*, *воронок*), как грозовая туча, цвета; кони обладают удивительной силой и мудростью, помогают своему владельцу в тяжёлых битвах и решении трудных вопросов, вместе с богатырём совершают путешествие в чужой мир и обратно и проч.

Художественный мир русской былины, безусловно, антропоцентричен, но в его формировании также очень важную роль играют животные и растения: друг, помощник и советчик конь, опасный противник змея, лебедь, которая с одной стороны, прекрасна, нежна и верна, а с другой – коварна и зла; действие происходит рядом с рубежом миров – дубом, на котором сидит мудрая птица ворон, являющаяся медиатором между своим и чужим мирами, что еще раз подчеркивает шаткость границы между добром и злом, жизнью и смертью.

Список источников

Гильф. – Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года: в 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. (В круглых скобках указываются соответственно название текста, номер тома, страницы и строки; особенности орфографии и пунктуации источника сохраняются; в случае необходимости для облегчения понимания смысла цитаты в квадратных скобках приводятся необходимые пояснения).

Список использованных словарей

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 2000. 560 с.

МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1–2.

Р. Сем. – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / РАН, Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 1998. 807 с.

СЗЭм – Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын; под общ. ред. В.Л. Телицына. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2003. 494 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2012. Вып. 1–45.

Библиографический список

Артёменко Е.Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч. конф. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 2003. Вып. 5. С. 7–21.

Габбасова А.Р., Фаткуллина Ф.Г. Языковая картина мира: ее основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. №5 (Электронный журнал). URL: www.science-education.ru/95-4569.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Издат. центр «Академия», 1998. 429 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: монография / науч. ред. В.М. Гацак. Омск: Издат. дом «Наука», 2006. 460 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора. Курск: Изд-во Курск. пед. ун-та, 1996. 118 с.

Пименова М.В. Фольклорные картины мира русского и татарского народов // Филология и культура. 2012. №2. С. 95–98.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 784 с.

Соколова Т.С. Фольклорная концептуализация локуса-центра в фольклорном пространстве // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 68 –76.
Топоров В.Н. Лебедь // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т. 2. М.: Рос. энциклопедия, 1997. С. 40–41.
Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 192 с.
Хроленко А.Т. На подступах к словарю языка русского фольклора: заметки лингвофольклориста // Язык русского фольклора: сб. науч. статей. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. С. 19–28.
Черноусова И.П. Фольклорно-языковая модель мира, представленная в диалоговой модели (на материале былины) // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. №2. С. 349–359.
Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. №1. С. 3–16.

Н.В. Беляева
(г. Курск)

БЫЛИННЫЕ БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ АСИММЕТРИЧНОЙ СТРУКТУРЫ

В языке былин широко представлены бессоюзные асимметричные сложные конструкции, в которых план содержания больше плана выражения, т.е. количество невербализованных звеньев превышает количество представленных словесно. Частотность таких построений объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами, первой из которых является то, что бессоюзная связь по времени появления в языке более древняя, чем союзная. Об этом писал еще А.М. Пешковский: «Как все простое древнее сложного, так и сочинение древнее подчинения. Бессоюзие в свою очередь, по всей вероятности, древнее и сочинения, и подчинения» [Пешковский 1986: 473]. Это убедительно подтверждают и данные древнерусских берестяных грамот, в которых отмечается значительное количество бессоюзных сложных конструкций, свойственных устной речи, что объясняется характером частной переписки, отраженной в грамотах (см. об этом: [В.И. Борковский 1978; В.Л. Георгиева 1968 и др.]). Не менее важно и то, что синтаксису разговорной речи изначально присущи имплицитные (опосредованные) высказывания, оформленные по определенным моделям, закрепленным в памяти носителей языка [Горелов 1980]. А диалектная речь, будучи